

ИГРЫ С ПРОСТРАНСТВОМ

Лавренова Ольга

Александровна – доктор философских наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Российская Федерация,
117418, Москва,
Нахимовский проспект,
д. 51/21.

Профессор.

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС».

Российская Федерация,
119049, г. Москва, Ленинский
проспект, д. 4.

Профессор.

Институт кино и телевидения (ГИТР).

Российская Федерация,
123007, г. Москва,
Хорошевское ш., д. 32А;
e-mail: olgalavr@mail.ru

Бытие культуры в географическом пространстве – одно из немаловажных проблемных полей онтологии. Процесс осмысления среды имеет много уровней и характеристик. Культура – универсальный объект семиотики, в данном случае рассматривается как субъект семиотизации географического пространства, формирования образа мира. Культура наследует и постоянно возобновляет основные дискурсы, связанные с этим непрекращающимся процессом, истоки которого лежат в глубокой архаике. В результате складываются устойчивые представления о географических объектах и/или устойчивые культурно-значимые символы, имеющие разную степень пространственных коннотаций. Намного интереснее, чем уже сложившиеся образы и символы сам процесс их создания и те закономерности и устойчивые фреймы, которые можно в нем проследить. Смыслы, создаваемые культурой, вовлекаются в процесс вторичной интерпретации. Наиболее распространены несколько направлений интерпретации, которые играют активную роль в структурировании наших представлений о геокультурном пространстве. Их можно условно обозначить как «игры с пространством», поскольку в них есть определенная доля произвольности, но также есть и устоявшиеся правила. В данной статье рассматриваются несколько из них – игра масштабами, игра географическим моделированием, игра структурами, игра временем, игра смыслами, игра чувствами, игра институционализацией.

Ключевые слова: культурный ландшафт, семиотика пространства

GAMES WITH SPACE

Olga A. Lavrenova –

DSc in Philosophy,
PhD in Geography, Leading
Research Fellow.

Institute of Scientific
Information for Social Sciences
of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN).

The culture being in the geographical space is one of the important problem fields of ontology. The process of understanding the environment has many levels and characteristics. Culture is an universal object of semiotics, in this case it is considered as a subject of the semiotization of geographical space, the formation of the image of the world. Culture inherits and constantly renews the main discourses associated with this ongoing process, the origins of which lie in the deep archaic. As a result, stable

51/21 Nakhimovsky Av.,
Moscow 117418, Russian
Federation.
Professor.
NUST MISIS.
4 Leninsky Av., Moscow
119049, Russian Federation.
Professor.
GITR Film and Television
School.
32A Horoshevskoe road,
Moscow 123007, Russian
Federation;
e-mail: olgalavr@mail.ru

representations of geographical objects and/or permanent culturally significant symbols with different degrees of spatial connotations are formed. Much more interesting than the already formed images and symbols is the process of their creation and the patterns and frames that can be traced in it. The meanings created by culture are involved in the process of secondary interpretation. The most common are several areas of interpretation that play an active role in structuring our ideas about the geocultural space. They can be conventionally referred to as "games with space", because they have a certain amount of arbitrariness, but also have established rules. This article discusses a few of them – games of range, games of geographical modeling, games of structures, of time, of significations, of emotions and institutionalization.

Keywords: cultural landscape, perceptions of space

Проблематика взаимодействия культуры и пространства интересует ученых, равно как гуманитариев, так и естественников, уже больше века.

Территориальные сообщества людей неизменно создают систему представлений, стереотипов и символов, связанных с местом их обитания. Это неотъемлемая часть процесса познания, которое «взятое в аспекте его социально-культурного содержания, представляет собой сферу взаимодействия внутрисоциальных (относящихся к познавательной культуре) и внешнесоциальных (собственно социальных) смыслов» [Касавин, 1999, с. 190]. Со временем и художественные образы, и точные знания, и собственно географическое пространство становятся единым целым – сплавом материи, информации и «энергии человеческой культуры» [Вернадский, 1991, с. 126]. Обычно для его обозначения используют термины «культурный ландшафт» и «геокультурное пространство», которые различаются по принципу ранг – размер – локус, регион, континент.

Научно-философская мысль XX в. дает мощный базис для теоретических размышлений на эту тему. Концепции ноосферы В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена, пневматосферы П. Флоренского, семиосферы М. Лотмана представляются универсальным фреймом для исследований о взаимоотношении человека и географической оболочки. Ноосфера предполагает единство природы, культуры и производимой культурой информации. Пневматосфера – пронизанность духом материи, с которой соприкоснулся человек. Семиосфера – универсальность и всеохватность семиотических процессов. Согласно позднему развитию этих учений, культурный ландшафт является структурной единицей ноосферы, и, наоборот, ее структурным подобием – он, как фрактал, имеет то же строение. В нем есть все элементы – от геологического и природного субстрата и «второй природы» до абстрактных идей, связанных с этим местом через их создателя или через частичное воплощение их в творениях человеческих рук – подобно

тому как Калининград незримо связан с философией Канта, а Барселона – с идеями модерна, запечатленными в творениях Гауди.

Соответственно, опираясь на эти концепции мы можем говорить о субстанциальности образов и знаковых систем, связанных с пространством. Именно эта связь позволяет «улавливать» знаки и значения в сеть материального мира – привязанные к месту они становятся его частью.

Еще век назад, на заре рождения понятия «культурный ландшафт», оно уже включало в себя особенности восприятия территории как природно-культурного единства [Shltüter, 1920]. С течением времени эта проблематика все больше занимала умы ученых. Тема переструктурирования, антропоморфизирования, мифологизирования пространства культурой поднималась в научной литературе неоднократно. ««Одушевление» природы человеком есть перенесение на нее тех свойств, которыми он сам реально не обладает; миф делает мир понятней не тем, что объясняет его структуру саму по себе, но тем, что содержит в свернутом виде проблемные парадигмы – варианты решения социально значимых проблем сакральными субъектами» [Касавин, 1999, с. 262].

Собственно научные знания о пространстве также оказываются не чужды мифологизации. Американец Р.Д. Сэк [Sack, 1986] поставил под сомнение объективность научных построений в гуманитарной географии, родившейся из лона классической географии, не терпящей вероятностей. Еще больше субъективности во встречном течении начала XXI в. – «пространственным повороте» в гуманитарных науках. Если даже в квантовой физике есть теории о том, что наблюдатель влияет на систему, ее структуру и качество, то гуманитарное знание, в том числе имеющее отношение к пространству, зачастую переформатирует объект своего изучения.

«Пространственный поворот» подразумевает, с одной стороны, рассмотрение в гуманитаристике темы пространства и его организации, а с другой – использование пространства как методологического фрейма для решения специфических задач в политологии, литературе, театроведении, культурологии, киноведении и других областях. Этот тренд представляет собой практический и теоретический полигон, где различные способы мышления обогащают друг друга, и мы можем наблюдать становление и развитие междисциплинарной теории пространства во всех ее многочисленных формах. Территория, ландшафт, географическое пространство используются как инструменты познания, как способ эпистемологического доступа. Одно из последних изданий, в котором под одной обложкой собраны разные аспекты обсуждения этой темы – книга «Вопрос пространства», изданная под эгидой Уорикского университета (Великобритания) [The Question..., 2017].

Проблематика построения и онтологии пространственных образов детально разработана в трудах И.Т. Касавина [Касавин, 1999],

Д.Н. и Н.Ю. Замятиных и И.Д. Митина [Замятин, Замятина, Митин, 2008 и др.]. Этому посвящена и значительная часть моей монографии [Лавренова, 2010; Lavrenova, 2019]. Известный российский философ В.А. Подорога реализует уже упомянутый «пространственный поворот» в попытке структурировать художественные тексты, их внутреннюю неоднородность, с помощью такой категории как ландшафт [Подорога, 1995]. Интересно, что в подобных экзерсисах, казалось бы, имеющих весьма отдаленное отношение к реальному географическому пространству, обнажаются структурные особенности ландшафта как такового. Его структурные элементы, которые используются для создания философских интерпретаций и интеллектуальных фреймов, оказываются наиболее важными в контексте культуры как своеобразные «точки приращения смыслов».

Рассматривая пространственные представления и их интерпретации, следует определиться с понятием культуры, как их источника. В качестве рабочей теории наиболее подходит понимание культуры, бытующее в современной антропологии – как способа производства значений, смыслов и символов, их распространения, закрепления их освоения (Макс Вебер, Клиффорд Гирц). Постоянное воспроизводство значений происходит по сценарию, уже отработанному в культуре. Чтобы сценарий изменился, должны произойти изменения в ментальности, обусловленные сменой исторических эпох или научных парадигм. Исследования этого процесса также можно рассматривать как один из способов порождения новых интерпретаций и семиозиса. Переструктурирование культурного пространства происходит иногда резко и скачкообразно, иногда последовательно и постепенно, в зависимости от скорости и характера происходящих в культуре процессов.

Культура рассматривается как «фабрика смыслов» – субъект семиозиса, в том числе и связанного с пространством. Важно, что процесс вторичной рефлексии затрагивает уже созданные смыслы, вошедшие структуру в геокультурного пространства и культурного ландшафта. Научное знание – не исключение. Оно также является частью культуры и способно провоцировать рождение новых смыслов, которые в свою очередь становятся объектами изучения. Это своего рода «рефлексия в квадрате», игра разума. В такой вариативности интерпретаций элемент игры – конструкционная необходимость, из информационных кластеров создается целостная картина, без участия творческого интеллекта информация бы осталась разрозненной. Парадигмы, методология, концептуальные установки выполняют функции «правил игры», благодаря которым пересоздается картина мира. Подобные «игры с пространством» создают полифонию дискурсов. Это многообразие становится предметом исследования, при том что объектом и в этом случае по-прежнему остается культурный ландшафт и/или геокультурное пространство как единое целое.

Имеет смысл рассмотреть здесь наиболее важные из этих дискурсов, структурирующих представления культуры о пространстве, ставшие его частью.

Одно из них – *игра масштабами*. Этот дискурс создавался в основном географами. «Высота» виртуального взгляда определяет широту охвата поля зрения и его детальность. Редуцирование информации при «взгляде сверху» происходит именно в человеческом сознании, поскольку технические возможности космической съемки позволяют не терять деталей. В цифровых космических и аэрофотоснимках возможно приближать объекты и рассматривать их достаточно подробно, этот принцип используется в создании ГИС (геоинформационных систем), в которых можно варьировать масштаб приближения к объекту без потери информации.

Масштаб имеет значение для структурирования информации в случае построения образов пространства способами картографии. В этом случае используется картографическая генерализация (от лат. *generalis* – общий), а именно отбор и обобщение информации. Принцип генерализации используется и в случае создания страноведческих, регионоведческих и краеведческих образов. Разный набор объектов и их смыслов используется в зависимости от изменения охвата территории – от геосферы до локальности. И иногда дело не только в генерализации с учетом размеров и значения объектом, поскольку *с изменением масштаба меняется вся знаковая система* и многие ее смысловые доминанты. В зависимости от выбранных критериев и от контекста даже локальные объекты могут оказаться значимыми на глобальном уровне. Например, церковь Покрова на Нерли – эталонный образец русского зодчества владими́ро-суздальской школы, будет значимым объектом в разномасштабных картах географии русского искусства. Центрами политической карты мира в 2001 и 2015 гг. несколько недель были Бамиан и Пальмира, где памятники мирового культурного наследия были уничтожены в результате действий террористов. К сожалению, с прошествием времени забываются эти события, карта утрат «пенепленизируется», и эта забывчивость становится поводом к новым варварским разрушениям.

Игра масштабами – не только дискурсивная практика. Она возобновляется в социальных практиках и собственно управление ими и их структурирование происходит с учетом масштабов и размеров территории [Vrenner, 2001, р. 604]. В географии данное понятие используется для описания иерархии субъектов принятия решений в зависимости от территориального уровня (глобального, национального (государственного), регионального, локального).

Образы геокультурного пространства разного масштаба имеют разную *морфологию* – «проявляются» и «исчезают» линейные и точечные объекты, площадные объекты объединяются и укрупняются или, наоборот, распадаются на множества. Эти изменения определяет

позиция наблюдателя и/или исследователя, которая меняет не только смыслы опорных объектов, но и соотношение морфологических элементов, морфологическую структуру. Она сама по себе становится «говорящей», ее рисунок – пустоватый, центрированный, приморский, вытянутый вдоль рек, совпадающий с овражно-балочной сетью или, напротив, с водоразделами и вершинами гор – свидетельствующей о чем-то ином – об исторических путях культуры, об особенностях экономического развития и т.п.

Игра географическим моделированием по определению продуцирует новые смыслы. Модели и картосхемы, которые создаются в качестве инструмента описания, метафоризации геокультурного пространства, являются особым видом знаковых систем, где важны не только значения, но и связи между объектами.

Различают «идеальные» и «материальные» модели. *Идеальные* пытаются описать пространственные, в том числе геокультурные процессы и явления, не привязываясь к глобусу или карте. Они имеют разную степень формализации – от неформализованных (концептуальных) до частично и полностью формализованных (математических). *Материальные* модели с достаточной долей объективности изображают земную поверхность, пользуясь своим особым языком.

Язык карты, который складывался последние три века и практически достиг совершенства [Лютый, 1981] уникален по своим возможностям «упаковки» информации в сжатую форму и представляет собой многоуровневую знаковую систему. Карта на одном листе содержит столько информации, сколько вряд ли бы поместилось в нескольких книжных томах, если бы пришлось излагать ее словами.

Язык карты – это тот случай, когда «размер имеет значение». Количественные характеристики, например, объем производства, передаются с помощью размера пунсонов, иконических значков и т.п. И даже качественные – например, памятник культуры федерального и регионального значения могут изображаться разными по размеру иконками. Особый случай в этом отношении являются анаморфозы – карты, в которых количественные или смысловые характеристики трансформируют размер изображаемой страны или района. В первом случае обычно сохраняются общие очертания, чтобы страна была узнаваема на карте, независимо от ее размеров, во втором случае районы и города в зависимости от их свойств и значений визуально «вспучиваются» на поверхности страны, изображаемой неизменной в своих границах. Таким образом формируется иная эстетика изображаемого пространства, где связаны смысл, количественные и визуальные характеристики. Возникает новая мерность изображаемого пространства, которая влияет на формирование образов геокультурного пространства, в том числе и в быденном сознании.

Математическое моделирование процессов заключается в формализации географической проблемы, выражения ее в виде математических зависимостей и отношений. Существует множество вариаций построения математических моделей, в том числе статические и динамические. Статические представляют собой одномоментный срез действительности, динамические – явление в его развитии. В изучении взаимодействий культуры и пространства динамические модели наиболее эффективны, так как коррелируют с динамическими свойствами этого взаимодействия.

Классик отечественной теоретической географии Б.Б. Родман пытался создать «идеальную схему идеальных географических процессов в идеальном пространстве». Еще со времен Иоганна фон Тюнена, создавшего модель идеального экономически обоснованного землепользования в изолированном государстве, в таких моделях элиминируется главная особенность географического пространства – его неоднородность, т.е. по сути географическое пространство превращается в математическое. Но на их основе делается попытка объяснить закономерности бытия и развития экономического, социального и культурного пространства. Как ни странно, игры интерпретациями действительно помогают понять реальные процессы и явления. Например, находит свое объяснение зоны «гравитационного притяжения» крупных городов, стягивающих к себе ресурсы соседних территорий, подобно черным дырам, «вымороженные районы», появившиеся как следствие существования экономических и культурных периферий, и другие закономерности. Подобные схемы становятся необходимыми логическими конструкциями, теоретическим флёром, наборшнным на мозаичную картину мира.

На стыке гуманитарных наук и культурной географии возникают модели и схемы, принципиально элиминирующие географическую основу. В отечественной науке «провозвестником» такой методологии является Д.Н. Замятин [см. напр., Замятин 2006 и др.], он с помощью схем выстраивает внутреннюю смысловую, историческую, аксиологическую логику географического образа, прослеживает их взаимодействие с культурным ландшафтом. Абстрактные геометрические фигуры, обозначающие исторические и культурные коннотации, персоналии – «гении места», соединены условными линиями, обозначающими логическую и генетическую взаимозависимость. Подобные схемы помогают понять генезис смыслов и их соотношение внутри образа места, но именно в такой схеме отсутствуют географические характеристики места.

Игра структурами геокультурного пространства может рассматриваться как частный случай моделирования. Она предполагает создание различных гипотез о закономерностях бытия культурного пространства, причем надо отметить, что существуют две основные модели организации пространства – иерархическая и сетевая. «Ризома»

(фр. *rhizome* «корневище»), концепт, родившийся в философии постструктурализма и постмодернизма, подразумевает неограниченное ветвление структур и смыслов, где отсутствуют приоритетные позиции. Эта сетевая модель используется в гуманитарных науках, естественные науки развивают свои теоретические построения на основе иерархической модели. В новых социально-политико-философских исследованиях ризоматическая структура и отказ от иерархии рассматривается в корреляции с принципами организации общества в теориях классиков анархизма [Springer, 2016].

В географии иерархическая структура предполагается необсуждаемой, когда речь идет о соотношении и взаимодействии территориальных единиц разного таксономического ранга. Иерархия фаций и урочищ природного ландшафта как целостности, действительно, имеет место, поскольку части разного иерархического ранга непременно подчиняются логике существования целого.

Один из вариантов иерархических моделей – районирование, практикуемое в географии и смежных науках. Районирование – в принципе результат осмысления географического пространства с различной степенью научной обоснованности, когда эксперт или коллектив экспертов анализируют количественную и качественную информацию и по ряду признаков выделяют достаточно целостные участки земной поверхности. Районирование предполагает внутреннее соподчинение частей, районы могут быть разделены на подрайоны и, наоборот, объединены в макрорегионы и т.п.

Многоступенчатое административно-территориальное деление представляет собой апофеоз принципа территориальной иерархии. Это закрепленный в пространстве способ (само)организации общества, который в свою очередь влияет на качество пространства. Например, в России границы административных районов обычно легко распознаваемы на местности – на границах своеобразным маркером «маргинализации пространства», неподконтрольного никому, становится плохое качество дорог, от которых открешивается власти сопредельных территорий.

Еще один популярный вариант иерархической структуры – вертикальная модель «слоистого» культурного ландшафта и/или геокультурного пространства. Исследователи выделяют два очевидных «слоя» – природный и культурный. В ряде моделей культурный подразделяется на соподчиненные слои – экономический, социальный, информационный, духовный. Предполагается, что рассматривать эти слои сами по себе бессмысленно, поскольку они взаимосвязаны. Но возникает вопрос, какой из этих слоев можно считать доминирующим, определяющим течение процессов во всех остальных. «Представители геоэкологического направления при некоторых различиях в определении культурного ландшафта считают его частью природного ландшафта. В то же время представители других

(«культурологических») направлений за основу берут культурный слой, который и считается основным предметом исследования» [Ливинская, 2012, с. 126]. В некоторых авторских моделях [Туоровский, 2001] в структуре культурного ландшафта природная составляющая становится частью культуры и потому играет подчиненную роль.

В «слое» культуры как неотъемлемой части культурного ландшафта могут в свою очередь выделяться «слои» материальной и нематериальной культуры. Это выводит на проблематику изучения и сохранения культурного и природного наследия именно в рамках концепции геокультурного пространства как единого целого.

Во все модели может быть включена временная компонента. В результате сетевых и иерархических структурах становится очевидным дрейф центров, периферий и границ. В вертикальной модели она показывает перетекание элементов материальной компоненты, например, материального наследия, в информационную – в память о нем. И наоборот, когда память об утраченном объекте, его мифологизация, становится поводом его воссоздания.

Игры временем. Время и пространство взаимосвязаны не только физически, но и социально. В культуре издревле пространство измеряется временем. Например, в древнем Египте участок земли измерялся длительностью его пахоты [Piaget, 1964]. Эта тенденция сохраняется и по сей день, когда мы говорим, что от города до города «два часа на машине».

Географические модели, учитывающие протекание процессов во времени – один из немногих вариантов осмысления пространства в контексте времени. Эти модели уходят корнями в исследования Хагерстранда, его теорию пространственной диффузии инноваций. Позже возникла «география времени» (time geography) – изучение собственно процессов диффузии в пространстве.

Время в пространстве изучается с разных точек зрения. С онтологической и антропологической позиции собственно оседлость человека является вторжением времени в пространство [Слотердаик, 2005; Марков, 2008, с. 163], в том смысле, что дом, жилище, где протекают временные процессы, укореняется в ландшафте.

Время может быть положено на карту в виде изохрон – линий, соединяющих точки с одновременным наступлением какого-нибудь явления (например, вскрытия рек, таяния снегов и т.п.).

Более масштабно время присутствует во всех исследованиях пространственных процессов, имеющих длительность. Это, например, исследование дрейфа границ, показывающее перетекание одних социально-географических форм в другие, их наследование. Или движения на запад «фронта» – границы освоенных северо-американских земель. Исследование истории перемещения государственных границ является важным политическим моментом, где ко времени

и пространству «прикрепляется» еще внушительная международно-правовая подоплека.

В зависимости от величины исследуемого периода времени ставятся различные задачи – от флуктуации во времени региональных пространственных образований до трансгрессий и регрессий моря или движения литосферных плит. То есть исследуется как геологическое время, измеряющееся периодами и эрами, длящимися десятками миллионов лет, так и социально-географическое время, быстротечное, иногда меняющее социально-географическую реальность до неузнаваемости в течение одного дня, как это произошло, например, с распадом СССР, когда в один день изменилась политическая карта одной шестой части суши.

Изучение исторических процессов в пространстве складывает отдельную науку – историческую географию, которая в равной степени разрабатывается историками и географами. В этом отношении важна роль собственно географии, которая, согласно ряду теорий, определяет ход исторических процессов. Это так называемый географический детерминизм, который подразумевает если не тотальную власть пространства над историей, то совершенно обоснованно рассматривает ряд географических особенностей территории как «мину замедленного действия», заложенную в ходе исторического времени. Она неизбежно «взорвется» и направит в определенную сторону развертывание событий, т.е. фактически само историческое время.

Отдельное направление в исторической географии – изменение образа мира от века к веку. В этом процессе важна роль географических открытий, взаимодействие цивилизаций, изменение способа картографических изображений.

Игра смыслами представляет собой вариант осмысления культурного ландшафта как знаковой системы [Лавренова, 2010; Lavrenova, 2019; Olteanu et al., 2019; Bellenteni, 2016]. Эта семиотическая система строится из смыслов топонимов, гидронимов, оронимов, и вошедшего в «коллективное бессознательное» на правах архетипов представления о формах рельефа и других элементах географической оболочки. В результате культурный ландшафт перемещается в иную проблемную область, где знак составляет неотъемлемую часть геокультурного пространства, каждый элемент собственно географической оболочки становится лишь формой, «телом» знака, иероглифом «письма», в его постмодернистском понимании. Система чутко реагирует на запрос исследователя, подстраивается под него, и в этом случае более чем в других справедливо утверждение, что наблюдатель влияет на систему. Если рассматривать семантику культурного ландшафта, то мы видим, что в нем соблюдаются все правила семиотики, в равной степени присутствуют синтактика, семантика и прагматика как основы отношения знаков.

Подобно тому, как животные помечают территорию запахами, человек помечает ее знаками, и посторонний будет чувствовать себя неуютно в этой системе. Всевозможные таблички, плакаты, билборды, регламентирующие правила поведения в общественных местах, граффити и т.п. являются способом маркировки пространства в локальных сообществах и формируют семиотику визуальных образов города [Cosgrove, 2008].

Семиотика культурного ландшафта подразумевает множество дискурсов. Ландшафт может быть интерпретирован и как знаковая система, и как метафора, и как гроздь метафор, и как высказывание, как текст и как интертекст. Культура как текст предполагает постоянное переплетение смыслов, в которое неизменно включается вмещающий природный ландшафт, пространство города. В этой ткани могут быть «узлы» и «дыры» – иные пространства, так называемые гетеротопии, которые отличаются от остальных пространств по своему значению и использованию. На основе этих теоретических предпосылок создаются всевозможные прикладные исследования конкретных ландшафтов, преимущественно городских [Theorizing..., 2003]. Благоприятной темой становится соотнесение языковых и пространственных структур [Wee, Goh, 2020; Cresswell, 2019], литературных образов, связанных с географическим пространством [Kinane, 2016].

Если использовать фрейм когнитивной теории метафоры по отношению к ландшафту, он может представляться и как цель и как источник метафорической проекции. Это показывает суть когнитивных процессов, происходящих в культуре, когда с помощью одного понятия или образа более объясняется и понимается другое. Например, значения топонимов в культуре – связанные с ними мифы, легенды и современные трактовки – позволяют структурировать ландшафт по образу и подобию других феноменов культуры. И напротив, представления о географическом пространстве позволяют организовывать другие понятия и явления по его подобию.

Если интерпретировать культурный ландшафт как текст, это позволяет представлять его как о систему высказываний, имеющую логику и экспозицию, пусть и нелинейную. В зависимости от выбранного дискурса, его можно читать как летопись культуры, как волну колонизации, застывшую в пространстве, как повествование о войнах, революциях и прочих исторических событиях. Текст культурного ландшафта доступен постоянному «переписыванию» – уничтожению или добавлению объектов, изменению их смыслов. Перестраиваются здания, меняются системы землепользования, меняются оценочные категории, в которых совершенно по-разному могут восприниматься те или иные географические объекты. Например, символ советской стройки века – Беломорканал – после перестройки становится символом ГУЛАГа, репрессий, страдания, смерти. Советские памятники в Прибалтике, бывшие символами освобождения от фашистских

захватчиков, после распада СССР становятся символами оккупации. Иногда смены значений происходят намного быстрее – в связи с переменной правящей партией, или в связи с нарастанием угрозы со стороны исламского экстремизма. История переписывается заново, в том числе и ее анналы в пространстве.

Игра чувствами – игра на струнах души. Любое явление способно вызвать отклик в душе человека, ландшафт – не исключение. Даже космическое или абстрактное пространство может быть предметом восхищения или ужаса: «Открылась бездна звезд полна / звезд да числа нет, бездне – дна» (М.В. Ломоносов).

Чувства к месту, к ландшафту, уже давно принято обозначать терминами «топофобия» и «топофилия», предложенными И Фу Туаном [Туан, 1990], американцем китайского происхождения. В этих чувствах много привходящих условий, от визуальной привычности до религиозно-культурных стереотипов, побуждающих трепетать перед впервые увиденным храмом или камнем, на котором отпечаталась нога великого подвижника.

С этими понятиями тесно связана одна из основополагающих бинарных оппозиций в культуре – оппозиция «свой – чужой». Оба ее полюса всегда эмоционально окрашены, и как нельзя лучше она применима к пространственным явлениям, в которых всегда есть «своя» общность и территория, противостоящая «чужим». Этот вариант имеет много вариаций в зависимости от масштабов – от противопоставления соседних населенных пунктов до этноцентрической картины мира. В современном варианте эта оппозиция чаще всего и ярче всего выражается в информационном противостоянии собственной страны и мира.

Поэтому один из вариантов топофилии – патриотичность, чувство, которым всегда манипулируют герои, политики и местные чиновники. Патриотизм по определению – любовь к отечеству, которое может быть и малой и большой родиной, т.е. по сути – социальное чувство, где локальность, район, страна играют не последнюю роль. Этому чувству посвящены популярные исследования территориальной идентичности [Cooper, 2017 и др.], вернакулярных районов [Hale, 1976; Pasley, Clough, Sanderson, 2007 и др.]. То, как люди определяют свою принадлежность малой родине или месту жительства, формирует структуры культурного ландшафта, связанные с территориальными сообществами людей. Местный и региональный патриотизм формирует базу, на которой, как ни странно, зиждется осознание страны как целостности. Регионализм и патриотизм поддерживаются информационными потоками в СМИ, закрепляются в ландшафте лозунгами, национальными и/или религиозными символами, изображенными на зданиях или других объектах. О том, насколько такая информация формирует локальное или региональное самосознание, можно спорить. Скорее чувство приязни к родному

месту взаимосвязано с латентными для сознания факторами – привычная форма застройки, детали ландшафтной архитектуры (лавочки, определенные породы деревьев в парках), запах опавшей листвы или запах полыни, стрекот цикад, воркование горлиц и т.п. Немаловажное значение имеет и информационный пласт, связанный с историей и мифологией места. Места, насыщенные памятью о героическом или трагическом прошлом, транслируют эту память новым поколениям. Причастность великому прошлому передается не генетически, а географически, поскольку новоприезжие, адаптировавшись в локальном сообществе, начинают ощущать себя его частью. В большинстве случаев это естественный процесс, что можно наблюдать на примере Санкт-Петербурга или Севастополя. Иногда он усиливается путем музеефикации особо значимых мест и событий. Так музеефикация Хатыни и других мест трагической истории Великой Отечественной войны вносит свой неотъемлемый вклад в формирование национального менталитета русского, белорусского и украинского народов. И неслучайно при попытке целенаправленно перестроить менталитет в угоду новому политическому режиму начинают с поругания памятников.

Игра институционализацией при изучении культурного ландшафта сейчас становится все более популярна. Происходит это из-за взаимного интереса гуманитарных и естественных наук к проблемам и методам друг друга. С одной стороны, сегодня набирает силу так называемый «пространственный поворот» в гуманитарных науках, с другой – в географических науках, особенно в социальной, политической и культурной географии, наблюдается все более заметный поворот в гуманитаристику. Это вполне оправдано, так как составной частью объекта исследования этих ветвей географии является социум, его культура, его ментальность. Соответственно, в размышлениях на тему ландшафта и пространства возникают философский, культурологический, антропологический, филологический, экологический и географический дискурсы, которые хоть и стремятся к сближению между собой, все же сохраняют зерно своей уникальности, заключенное, прежде всего в методологии.

В гуманитаристике распространен феноменолого-культурологический подход к культурному ландшафту и пространству, который представляет собой сплав эвристических методов, в том числе метод вживания, и последующего переосмысления – ре-конструкции объекта. Таким образом происходит новое, субъективное, авторское переформатирование информационной составляющей культурного ландшафта.

В естественных науках влияние субъективного фактора на систему интерпретаций намного меньше, так как ученые пользуются как основой веками отработанными и выверенными классическими методами репрезентации информации. В российском и советском

ландшафтоведении классическим считается определение Ю.Г. Саушкина, от которого идут все последующие вариации: «Культурным ландшафтом называется такой ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему труда человеческого общества так изменило соотношение и взаимодействие предметов и явлений природы, что ландшафт приобрел новые, качественно иные, особенности по сравнению с прежним, естественным, своим состоянием. При этом, конечно, культурный ландшафт не перестал быть природным в том смысле, что, будучи изменен в связи с теми или иными потребностями общества в направлении, нужном производству, он продолжает развиваться по законам природы» [Саушкин, 1951, с. 289]. В этом направлении преобладает функциональный подход и ландшафты рассматриваются в контексте выполняемых ими социально-экономических функций. Также значимыми оказываются степень и качество их видоизменения человеком.

В современной культурной географии, приближающейся в своих концепциях к гуманитарным наукам, широко применяется информационно-аксиологический подход, основы которого в отечественной науке были заложены Ю.А. Ведениным [Веденин, 1992; Веденин, 1997], а также эпистемологический [Колбовский, 2013], феноменологический (герменевтический) [Каганский, 2001; Seamon, 2018], этнокультурный [Рагулина, 2004], системный [Там же], геоэкологический [Николаев, 2000].

* * *

Все варианты точек зрения на географическое пространство обогащают и смотрящего и само пространство, так как онтологически информация, символы, знаки являются частью ноосферы. Уже разработанная и сложившаяся система взглядов представляет собой структурную «сетку», «каркас», на котором строится базисное для большинства культур целостное видение нашей планеты, ее отдельных регионов и локусов. То, что здесь было обозначено как «игры с пространством» – игра масштабами, игра географическим моделированием, игра структурами, игра временем, игра смыслами, игра чувствами, игра институционализацией – суть паттерны основных дискурсов образа мира и своеобразная «сетка координат», в которой свободно перемещается сознание исследователя или обывателя, подстраивающего свой личный микромир под глобальное или региональное культурное пространство. Именно ее вариативность и «текучесть» – главное ее достоинство, с одной стороны, с точки зрения адаптивности культуры к пространству, с другой – с точки зрения потенциала бесконечного расширения исследовательского поля.

Список литературы

Веденин, 1997 – *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 224 с.

Веденин, 1992 – *Веденин Ю.А.* Концепция культурного ландшафта и задача охраны культурного и природного наследия // Ориентиры культурной политики. Инфор. вып. Мин-ва культуры РФ. М., 1992. № 6. С. 3–98.

Вернадский, 1991 – *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

Замятин, 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Замятин, Замятина, Митин, 2008 – *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.

Николаев, 2000 – *Николаев В.А.* Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2000. № 6. С. 3–8.

Каганский, 2001 – *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М., 2001. 576 с.

Калуцков, 1998 – *Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. Москва, Смоленск, 1998. С. 6–13.

Касавин, 1998 – *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.

Колбовский, 2013 – *Колбовский Е.Ю.* Существует ли культурный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 49–66.

Лавренова, 2010 – *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.

Ливинская, 2012 – *Ливинская О.А.* Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионалогический журнал. 2012. № 14. С. 120–128.

Лютый, 1981 – *Лютый А.А.* Язык карты. М.: Знание, 1981. 48 с.

Марков, 2008 – *Марков Б.В.* Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

Рагулина, 2004 – *Рагулина М.В.* Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004. 171 с.

Подорога, 1995 – *Подорога В.* Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 426 с.

Саушкин, 1951 – *Саушкин Ю.Г.* К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства // Вопросы географии. М.: Мысль, 1951. Вып. 24. С. 276–299.

Слотердайк, 2005 – *Слотердайк П.* Сферы. Микросферология. Т. 1. СПб.: Наука, 2005. 649 с.

Туровский, 2001 – *Туровский Р.Ф.* Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001. С. 10–94.

- Bellentani, 2016 – *Bellentani F.* Landscape as Text // Concepts of Semiotics. University of Tartu, 2016. Pp. 76–87.
- Brenner, 2001 – *Brenner N.* The Limits to Scale? Methodological Reflections on Scalar Structuration // Progress in Human Geography. 2001. 25 (4). Pp. 591–614.
- Cooper, Knotts, 2017 – *Cooper Ch.A., Knotts H.G.* The Resilience of Southern Identity: Why the South Still Matters in the Minds of Its People. The University of North Carolina Press, 2017. 149 p.
- Cosgrove, 2008 – *Cosgrove D.* Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World. I.B. Tauris & Co Ltd, 2008. 256 p.
- Cresswell, 2019 – *Cresswell T.* Maxwell Street. Writing and Thinking Place. The University of Chicago Press, 2019. 253 p.
- Hale, 1971 – *Hale R.N.* Map of Vernacular Regions in America. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971.
- Kinane, 2016 – *Kinane I.* Theorising Literary Islands: The Island Trope in Contemporary Robinsonade Narratives. Pickering & Chatto Publishers, 2016. 247 p.
- Lavrenova, 2019 – *Lavrenova O.* Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes. Springer, 2019. 216 p.
- Olteanu et al., 2019 – *Olteanu A., Rabitz F., Jurkevičienė J., Budžytė A.* The Case for a Semiotic Method in Earth System Science: Semantic Networks of Environmental Research // Sign Systems Studies. 2019. Vol. 47. No. 3/4. Pp. 552–589.
- Pasley, Clough, Sanderson, 2007 – *Pasley R., Clough P. and Sanderson M.* Geotagging for Imprecise Regions of Different Sizes // Proceedings of the 4th ACM Workshop on Geographical Information Retrieval. Workshop On Geographic Information Retrieval, 6th – 10th November, 2007 / Ed. by Purves, R. and Jones, C.B. Lisbon, N.Y., 2007. Pp. 77–82.
- Piaget, 1964 – *Piaget J. avec Bang V., Gréco P., Grize J.-B.* Epistemologie de l'espace. Paris: PUF, 1964. 289 p.
- Sack, 1986 – *Sack R.D.* Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge, 1986. 256 p.
- Seamon, 2018 – *Seamon D.* Life Takes Place. Phenomenology, Lifeworlds, and Place Making. N.Y. and L.: Routledge, 2018. 221 p.
- Shltüter, 1920 – *Shltüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. 1920. Bd. 21.
- Springer, 2016 – *Springer S.* The Anarchist Roots of Geography. Toward Spatial Emancipation. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2016. 230 p.
- Theorizing..., 2003 – Theorizing The Southeast Asian City As Text: Urban Landscapes, Cultural Documents, And Interpretative Experiences / Ed. by Goh, R.B.H., Brenda SA Yeoh. World Scientific, 2003. 228 p.
- The Question..., 2017 – The Question of Space: Interrogating the Spatial Turn between Disciplines / Ed. by M. Nieuwenhuis and D. Crouch. L.-N.Y.: Rowman and Littlefield, 2017. 230 p.
- Tuan, 1990 – *Tuan Yu-Fu.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. N.Y.: Columbia University Press, 1990. 260 p.
- Wee, Goh, 2020 – *Wee L., Goh R.B.H.* Language, Space and Cultural Play: Theorising Affect in the Semiotics Landscape. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 209 p.

References

Bellentani, F. "Landscape as Text", in: *Concepts of Semiotics*. University of Tartu, 2016, pp. 76–87.

Brenner, N. "The Limits to Scale? Methodological Reflections on Scalar Structuration", *Progress in Human Geography*, 2001, vol. 25, no. 4, pp. 591–614.

Cooper, Ch.A., Knotts, H.G. *The Resilience of Southern Identity: Why the South Still Matters in the Minds of Its People*. The University of North Carolina Press, 2017, 149 pp.

Cosgrove, D. *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. I.B. Tauris & Co Ltd, 2008, 256 pp.

Cresswell, T. *Maxwell Street. Writing and Thinking Place*. Chicago: The University of Chicago Press, 2019, 253 pp.

Goh, R.B.H. & Yeoh, B.S.A. (eds.). *Theorizing The Southeast Asian City As Text: Urban Landscapes, Cultural Documents, And Interpretative Experiences*. World Scientific, 2003, 228 pp.

Hale, R.N. *Map of Vernacular Regions in America*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971.

Kaganskii, V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: sbornik statei* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space: Collected Papers]. Moscow: NLO, 2001, 576 pp. (In Russian)

Kalutskov, V.N. "Etnokul'turnoe landshaftovedenie i kontseptsiya kul'turnogo landshafta" [Ethnocultural Landscape Studies and the Concept of Cultural Landscape], in: *Kul'turnyi landshaft: voprosy teorii i metodologii issledovaniia* [Cultural Landscape: Questions of Theory and Methodology of Research]. Moskva, Smolensk, 1998, pp. 6–13. (In Russian)

Kasavin, I.T. *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoi teorii poznaniia* [Migration. Creativity. Text. Problems of Non-Classical Theory of Knowledge]. Saint Petersburg: RKhGI, 1998, 408 pp. (In Russian)

Kinane, I. *Theorizing Literary Islands: The Island Trope in Contemporary Robinsonade Narratives*. Pickering & Chatto Publishers, 2016, 247 pp.

Kolbovskii, E.Yu. "Sushchestvuet li kul'turnyi landshaft: epistemologicheskii analiz fenomena" [Does the Cultural Landscape Exist: An Epistemological Analysis of the Phenomenon], *Izv. RGO – Izvestia of the Russian Geographical Society*, 2013, vol. 145, iss. 5, pp. 49–66. (In Russian)

Lavrenova, O. *Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes*. Springer, 2019, 216 pp.

Lavrenova, O.A. *Prostranstva i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes]. Moscow: Institut Naslediia, 2010, 330 pp. (In Russian)

Livinskaya, O.A. "Ponyatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoi geografii" [The Concept of Cultural Landscape in Russian Geography], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal – Pskov Journal of Region Studies*, 2012, no. 4, pp. 120–128. (In Russian)

Lyutyi, A.A. *Yazyk karty* [Map Language]. Moscow: Znanie, 1981, 48 p. (In Russian)

Markov, B.V. *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of Everyday Life]. Saint Petersburg: Piter, 2008, 352 pp. (In Russian)

Nieuwenhuis, M. & Crouch, D. *The Question of Space: Interrogating the Spatial Turn between Disciplines*. London – New York: Rowman and Littlefield, 2017, 230 pp.

Nikolaev, V.A. “Kul’turnyi landshaft – geoekologicheskaya sistema” [Cultural Landscape-Geo-ecological System], in: *Vestnik Mosk. un-ta*. Ser. 5. Geografiya [Bulletin of the Moscow University. Geography], 2000, no. 6, pp. 3–8. (In Russian)

Olteanu, A., Rabitz, F., Jurkevičienė, J., Budžytė, A. “The Case for a Semiotic Method in Earth System Science: Semantic Networks of Environmental Research”, *Sign Systems Studies*, 2019, vol. 47, no. 3/4, pp. 552–589.

Pasley, R., Clough, P. & Sanderson, M. “Geo-tagging for Imprecise Regions of Different Sizes”, in: Purves, R. & Jones, C.B. (eds.) *Proceedings of the 4th ACM Workshop on Geographical Information Retrieval. Workshop On Geographic Information Retrieval, 6th–10th November, 2007*. Lisbon, New York, 2007, pp. 77–82.

Piaget, J. avec Bang V., Gréco P., Grize J.-B. *Epistemologie de l’espace*, Paris: PUF, 1964, 289 pp.

Podoroga, V. *Vyrazhenie i smysl: Landshaftnye miry filosofii: Seren Kirkegor, Fridrikh Nitsche, Martin Khaidegger, Marsel’ Prust, Frants Kafka* [Expression and Meaning: Landscape Worlds of Philosophy: Søren Kierkegaard, Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, Marcel Proust, Franz Kafka]. Moscow: Ad Marginem, 1995, 426 p. (In Russian)

Ragulina, M.V. *Kul’turnaya geografiya: teorii, metody, regional’nyi sintez* [Cultural Geography: Theories, Methods, Regional Synthesis]. Irkutsk, 2004, 171 pp. (In Russian)

Sack, R.D. *Human Territoriality: Its Theory and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 256 pp.

Saushkin, Yu.G. “K izucheniyu landshaftov SSSR, izmenennykh v protsesse proizvodstva” [To Study the Landscapes of the USSR, Changed in the Production Process], *Voprosy geografii – Problems of Geography*, Iss. 24. Moscow: Mysl’, 1951, pp. 276–299. (In Russian)

Seamon, D. *Life Takes Place. Phenomenology, Lifeworlds, and Place Making*. New York and London: Routledge, 2018, 221 pp.

Shltüter, O. “Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur – und Geisteswissenschaften”, *Geographische Anzeiger*, 1920, Bd. 21.

Sloterdaik, P. *Sfery. Mikrosferologiya* [Spheres. Micropedology], vol. 1. Saint Petersburg: Nauka, 2005, 649 pp. (Russian translation)

Springer, S. *The Anarchist Roots of Geography. Toward Spatial Emancipation*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2016, 230 pp.

Tuan, Yu-Fu. *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values*. New York: Columbia University Press, 1990, 260 pp.

Turovskii, R.F. “Kul’turnaya geografiya: teoreticheskie osnovaniya i puti razvitiya” [Cultural Geography: Theoretical Foundations and Ways of Development], *Kul’turnaya geografiya – Cultural Geography*. Moscow: Institut Naslediya, 2001, pp. 10–94. (In Russian)

Vedenin, Yu.A. “Kontseptsiya kul’turnogo landshafta i zadacha okhrany kul’turnogo i prirodnogo naslediya” [The Concept of Cultural Landscape and the Task of Protecting Cultural and Natural Heritage], in: *Orientyry kul’turnoi politiki. Infor. vyp. Min-va kul’tury RF* [The Guidelines of Cultural Policy. Information Release of the Ministry of the Russian Federation]. Moscow, 1992, no. 6, pp. 3–98. (In Russian)

Vedenin, Yu.A. *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the Geography of Art]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997, 224 pp. (In Russian)

Vernadskii, V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991, 271 pp. (In Russian)

Wee, L. & Goh, R.B.H. *Language, Space and Cultural Play: Theorising Affect in the Semiotics Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 209 pp.

Zamyatin, D.N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling Geographical Images]. Moscow: Znak, 2006, 488 pp. (In Russian)

Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu., Mitin, I.I. *Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoi territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podkhody* [Modeling Images of Historical and Cultural Territories: Methodological and Theoretical Approaches]. Moscow: Institut Naslediya, 2008, 760 pp. (In Russian)